

Сущность доказательств в уголовном судопроизводстве: неосинтетический подход

Россинский Сергей Борисович
Институт государства и права Российской академии наук; Академия управления МВД России,
Москва, Россия, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Аннотация. Рассматриваются основные этапы развития теории уголовно-процессуальных доказательств. Анализируются и систематизируются различные позиции ученых-процессуалистов, на основании чего выделяются базовые доктринальные подходы к пониманию доказательств: 1) формально-логический; 2) фактологический; 3) дуалистический; 4) лиминальный (переходный); 5) синтетический; 6) кибернетический (информационный); 6) прагматический (англосаксонский); выявляются причины возникновения, оцениваются достоинства и недостатки каждого из них.

Формулируется вывод о наибольшей оптимальности и приемлемости для использования еще одного, так называемого неосинтетического подхода. Под доказательствами предлагается понимать предусмотренные законом и predetermined материальными либо идеальными следами-отображениями информационные акты, подлежащие накоплению в качестве юридически пригодных (допустимых) информационных продуктов, а затем использованию в качестве аргументационных ресурсов, которые в своей совокупности способствуют дознавателю, следователю, суду в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обосновании правоприменительных решений, а сторонам – в попытках дозволенного воздействия на характер и содержание этих решений.

Ключевые слова: доказательства, доказательственное право, доказательственные факты, кибернетическая теория доказательств, обоснование решений, основания для судебного убеждения, средства доказывания, теория доказательств

Для цитирования: Россинский С. Б. Сущность доказательств в уголовном судопроизводстве: неосинтетический подход // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2. С. 45–51.

Original article

The essence of the evidence in criminal proceedings: neosynthetic approach

Rossinsky Sergey B.
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, s.rossinskiy@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Abstract. The main stages in the development of the national theory of evidence and relevant provisions of the law of evidence are analyzed. Various views of pre-revolutionary, Soviet and Russian scientists on the essence of evidence are considered and systematized, in connection with which several enlarged doctrinal approaches are distinguished: a) formal-logical; b) factual; c) dualistic; d) liminal (transitional); e) synthetic; f) cybernetic (information); g) pragmatic (Anglo-Saxon); the causes of occurrence are identified, the advantages and disadvantages of each of them are evaluated.

Conclusion is formulated about the greatest optimality and acceptability for using another, so-called neosynthetic approach. Evidence is proposed to be understood as provided by law and predetermined by material or ideal traces-displays of information assets to be accumulated as legally suitable (permissible) information products, and then used as argumentative resources, which in their totality contribute to the inquirer, investigator, the court in establishing the circumstances relevant to the criminal case and substantiating law enforcement decisions, and the parties in attempts to influence the nature and content of these decisions.

Keywords: evidence, evidence law, evidentiary facts, cybernetic theory of proof, substantiation of decisions, grounds for judicial conviction, means of proof, evidence theory

For citation: Rossinsky S. B. The essence of the evidence in criminal proceedings: neosynthetic approach // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 2. Pp. 45–51.

Введение (постановка проблемы)

На общем фоне разнообразных проблем, традиционно присущих уголовной юстиции, особой актуальностью всегда характеризовались и продолжают характеризоваться вопросы теории, нормативного регулирования и практики доказывания, т. е. подчиненной объективным закономерностям познания и логического мышления, но при этом достаточно четко формализованной деятельности субъектов судопроизводства, направленной на установление имеющих значение для надлежащего разрешения уголовного дела обстоятельств. Эти вопросы уже много лет привлекают внимание ученых, а многие из них до сих пор остаются неразрешенными и являются предметом постоянно ведущихся дискуссий. Причем один из самых обсуждаемых и спорных вопросов касается понятия и сущности доказательств как важнейших, во всяком случае, наиболее известных средств уголовного доказывания, представляющих собой информационные активы, возникающие на основе материальных или идеальных следов-отображений (следов в широком смысле) и позволяющих дознавателю, следователю, суду устанавливать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства и обосновывать правоприменительные решения, а сторонам – пытаться влиять на характер и содержание таких решений.

В соответствии с положениями действующего уголовно-процессуального законодательства под доказательствами, с одной стороны, понимаются любые сведения, способствующие установлению наличия или отсутствия различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в первую очередь обстоятельств, подлежащих доказыванию по данному делу (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), тогда как с другой – ими признаются юридически пригодные для использования (допустимые) информационные продукты, содержащие подобные сведения: показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, заключения эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных действий и судебного заседания, иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Вместе с тем подобный подход разделяется далеко не всеми специалистами и использовался далеко не всегда. За долгие годы развития национальной уголовной юстиции доктринальные представления о сущности доказательств неоднократно менялись, пересматривались и постоянно сопровождалась множеством полемических обсуждений.

1. Основные доктринальные подходы к пониманию доказательств

В дореволюционный период легальной дефиниции доказательств просто не существовало, а в

научной среде преобладал так называемый *формально-логический подход*. Под доказательствами понимались не более чем апостериорные основания для судебного убеждения, т. е. некие аргументационные ресурсы (логические аргументы, доводы, силлогистические посылки), позволяющие обосновывать приговоры и прочие правоприменительные решения [1, с. 52; 2, с. 5].

В то же самое время в недрах науки возникли несколько иные и, как представляется, более утилитарные воззрения – так называемый *фактологический подход*. Доказательствами стали признаваться далеко не всякие и тем более не абстрактные логические аргументы, доводы, силлогистические посылки, а лишь используемые в качестве таковых конкретные промежуточные (буферные) факты [3, с. 133; 4, с. 200]. Причем наибольшую популярность подобные позиции приобрели уже в советский период развития уголовно-процессуальной доктрины [5, с. 223; 6, с. 35]. В частности, получила распространение предполагающая некоторый оттенок точка зрения, согласно которой под доказательствами понимались не любые относимые факты, а лишь факты, вытекающие из допустимых, т. е. легально предусмотренных законом источников [7, с. 136]. К слову, на вариативность данной позиции, по всей вероятности, оказали влияние положения раннесоветского уголовно-процессуального законодательства, где впервые предусматривался «закрытый» перечень средств доказывания (например, ст. 58 УПК РСФСР 1923 г.).

Со временем указанные позиции трансформировались в так называемый *дуалистический подход*, предполагающий двойственное понимание доказательств: 1) как буферных фактов, вызывающих убежденность в существовании или отсутствии подлежащих установлению обстоятельств; 2) как допустимых источников этих фактов: показаний, экспертных заключений, вещественных доказательств и т. д. Впервые подобные идеи возникли еще в середине 1920-х гг. [8, с. 3], а позднее достаточно глубоко укоренились в работах известных советских процессуалистов [9, с. 288–289; 10, с. 51].

Параллельно в уголовно-процессуальной доктрине существовал и несколько иной, как бы переходный, *лиминальный подход* – доказательствами считались не столько сами факты, сколько фактические данные, т. е. тезис «доказательства – это факты» постепенно трансформировался в возникшую на рубеже 1960–1970-х гг. кибернетическую (информационную) теорию, основанную на утверждении «доказательства – это полезные сведения, информационные сигналы». Подобные позиции встречались даже в дореволюционных публикациях [11, с. 103], однако наибольшую

популярность они приобрели после вступления в силу Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и соответствующих республиканских Кодексов, в частности УПК РСФСР 1960 г., где в отличие от раннесоветского уголовно-процессуального права прямо предусматривалось достаточно четкое определение доказательств как любых фактических данных [12, с. 10–11; 13, с. 146; 14, с. 99].

В 1960-х гг. в трудах отдельных ученых стали заметны намерения интеграции дуалистического и лиминального понимания доказательств, их слияния в некую обобщенную, в чем-то даже универсальную доктринально-правовую концепцию; начали предприниматься попытки универсализации определения доказательств, его распространения и на прямые, и на косвенные ресурсы, включение в его содержание как предопределенных следами-отображениями информационных продуктов, так и получаемых логическим путем данных о буферных фактах. В результате возник еще один, так называемый *синтетический подход* – под доказательствами стали пониматься и факты, и фактические данные (в некоторые публикации – сведения о фактах), и их источники [15, с. 92; 16, с. 114].

Примерно в то же самое время (на рубеже 1960–1970-х гг.) в недрах уголовно-процессуальной науки зародился и начал стремительно развиваться *кибернетический (информационный) подход* к пониманию доказательств. В принципе, сущность кибернетической теории тоже сводится к пониманию доказательств как полученных в установленном порядке полезных сведений (в более ранних публикациях – как все тех же фактических данных), способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Однако им придается совершенно иной смысл – такими сведениями (фактическими данными) признаются не столько используемые для обоснования правоприменительных актов и позиций сторон аргументационные ресурсы, сколько находящиеся в неразрывном единстве со своими носителями (источниками) и предрасположенные к восприятию фрагменты информации, т. е. поступающие извне информационные сигналы, подлежащие перцепции посредством взаимодействия с идеальными либо материальными следами-отображениями (следами в широком смысле). Основоположником кибернетической теории доказательств принято считать В. Я. Дорохова [17, с. 110]; в дальнейшем подобные идеи нашли отражение и получили определенное развитие в трудах других известных авторов, активно публиковавшихся в 1970–1990-е гг. [18, с. 6–8; 19, с. 5–9; 20, с. 121].

В итоге кибернетический подход к пониманию доказательств получил официальное признание и стал доктринальной основой для положений постсоветского доказательственного права – по смыслу действующего на сегодняшний день уголовно-процессуального закона, под доказательствами понимаются юридически пригодные для использования инфор-

мационные продукты, содержащие любые сведения, позволяющие дознавателю, следователю, прокурору, суду устанавливать действительность либо недействительность имеющих значение для уголовного дела обстоятельств (ст. 74 УПК РФ). Причем многие ученые выразили согласие с такой нормативной конструкцией, оценили ее как вполне приемлемую для использования в правоприменительной практике.

Правда, многие современные ученые не разделяют кибернетической теории доказательств, а выносят на строгий суд научной общественности иные доктринальные позиции. В частности, начиная с 1990-х гг. некоторые авторы начали активно отстаивать еще один, так называемый прагматический подход к пониманию доказательств. Стали высказываться идеи, предполагающие приоритетное значение юридической пригодности (допустимости) доказательств к использованию по назначению, т. е. явное превалирование процедурных правил получения, фиксации и (или) преподнесения суду полезных сведений перед их содержанием. Доказательствами стали признаваться не столько сами сведения или фактические данные, сколько надлежащим образом оформленные предметы, документы и в особенности устные сообщения обвиняемых, потерпевших, свидетелей, других участников уголовного судопроизводства [21, с. 312; 22, с. 37].

Какой же из указанных доктринальных подходов является наиболее разумным, максимально и всесторонне раскрывающим сущность доказательств как сложного и многогранного уголовно-процессуально-го феномена?

Ответ на данный вопрос представляется далеко не однозначным, поэтому в обозримом будущем, скорее всего, не потеряет своей дискуссионности и продолжит побуждать к жарким научным спорам и дебатам. Причем истоки такой дискуссионности преимущественно обусловлены вовсе не принципиальными разногласиями специалистов по поводу гносеологической природы и логической роли доказательств, их места и значения в общих механизмах уголовно-процессуального познания и обоснования правоприменительных решений либо позиций сторон – как раз эти вопросы воспринимаются всеми учеными примерно одинаково, поскольку не зависят от искусственно созданных юридических законов и правил, а связаны с естественными способностями людей к накоплению и умственной обработке информации.

Подлинная причина множественности доктринальных подходов к пониманию доказательств видится несколько в ином – в их предопределенности изначально разными мировоззренческими идеями и течениями, т. е. своеобразными философскими «трендами», играющими приоритетную роль в те или иные периоды развития российского и советского социумов. И, таким образом, неудивительно, что воспитанные на постулатах классического немецкого идеализма дореволюционные авторы писали о доказательствах как о достаточно абстрактных

основаниях для судебного убеждения, а основными источниками их получения считали опыт, разум, приобретенные знания. Нет ничего странного и в том, что в конце XIX в. стали предприниматься попытки уяснения сущности доказательств посредством методологии набирающего обороты диалектического материализма, а в советский период эти идеи получили новый импульс для развития, но уже в контексте марксистско-ленинской диалектики. Вполне очевидны и причины возникновения во второй половине XX в. кибернетической теории – она появилась в разгар кибернетического «бума» [23, с. 61], была связана с повальным увлечением информационными процессами и технологиями, т. е. стала уголовно-процессуальным воплощением передовых научных разработок в сфере получения, хранения, преобразования и передачи информационных ресурсов. Тогда как постсоветские тенденции в развитии подходов к пониманию доказательств – это прямое следствие проникновения в российскую науку множества иных «трендов».

2. О неосинтетическом подходе к пониманию доказательств

Как неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, различные подходы к пониманию доказательств вообще не исключают друг друга, а всего лишь раскрывают разные компоненты уголовно-процессуального доказывания как сложного, многоаспектного комплекса познавательно-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций. В частности, кибернетическая теория доказательств как нельзя лучше объясняет сущность и механизмы уголовно-процессуального познания, связанного с восприятием материальных либо идеальных следов-отображений и формированием на их основе соответствующих мысленных образов. В свою очередь, прагматический подход (если, конечно, воспринимать его не как кальку англосаксонской модели доказывания, а как научные идеи о приоритете процессуальной формы, особом значении юридических процедур) достаточно хорошо увязывается с правилами удостоверения и фиксации накапливаемых сведений. А воззрения дореволюционных и советских ученых, понимавших под доказательствами основания для судебного убеждения или факты, т. е., считавших их не более чем доводами, силлогистическими посылками, имеют прямую взаимосвязь с аргументационно-логическим компонентом доказывания, направленным на обоснование правоприменительных решений или позиций сторон.

В связи с изложенным наиболее оптимальным, максимально раскрывающим сущность доказательства как сложного и многогранного уголовно-процессуального феномена мог бы стать еще один, как бы интегрирующий все существующие воззрения научный подход, т. е. подход, чем-то напоминающий высказывавшиеся в 1960–1970-х гг. синтетические позиции, но отличающийся от них применимостью разных пониманий доказательств к различным компонентам доказывания: доказательств как информа-

ционных активов – к познавательному компоненту; доказательств как надлежащим образом оформленных предметов, документов, сведений – к удостоверительному; доказательств как доводов, аргументов, силлогистических посылок – к аргументационно-логическому. Такую концепцию разумно назвать *неосинтетическим подходом* и использовать для дальнейшего развития теории уголовно-процессуального доказывания и доказательственного права.

В принципе, схожие взгляды уже получили определенное доктринальное воплощение – в течение последних лет подобные идеи высказываются в публикациях известного ученого-процессуалиста В. А. Лазаревой. Она предлагает толковать категорию «доказательства» в трех взаимосвязанных, но тем не менее достаточно автономных значениях: 1) в информационном аспекте – как любые, сведения, попадающие распоряжение участников уголовного судопроизводства и предрасполагающие к установлению имеющих значение для дела обстоятельств; 2) формально-процессуальном аспекте – как предусмотренные законом информационные продукты (показания, протоколы, документы и т. д.); 3) логическом и аксиологическом аспектах – как достоверные сведения (факты), позволяющие аргументировать обвинительный приговор [24 с. 171].

Конечно, указанная позиция, как и любая другая неординарная и новаторская точка зрения крупного ученого, тоже не свободна от некоторых шероховатостей и побуждает к определенной дискуссии. Так, во-первых, не вполне разумно утверждать существование примыкающего к логическому, но все же имеющего собственное значение аксиологического, т. е. ценностного аспекта доказательств. Конечно, аксиологический климат – это одно из необходимых условий уголовного судопроизводства, сопутствующее умственной обработке накопленных сведений, в первую очередь оценке доказательств, и сильно переплетенное с правосознанием, правопониманием, правовой культурой, нравственностью и другими необходимыми качествами субъектов доказывания. Однако его можно признавать не более чем общим фоном для осуществления аргументационно-логических операций, не претендующим на автономную роль полноценного компонента деятельности дознавателя, следователя, суда или сторон.

Во-вторых, вряд ли стоит признавать справедливым тезис о предназначении доказательств только для обоснования обвинительных приговоров. Очевидно, что такая практика просто лишит сторону защиты права на полноценное участие в доказывании, в первую очередь возможности аргументации адресованных правоприменителю устных или письменных позиций по вопросам, входящим в предмет исследования по тому или иному уголовному делу.

Ну, и наконец, в-третьих, предлагаемый В. А. Лазаревой подход в некоторой степени тоже оказался не свободен от одного из традиционных недостатков, присущих большинству публикаций по теории дока-

звания и доказательственному праву, – многозначности используемой терминологии. Конечно, автор, будучи эрудированным и опытным ученым и, по всей вероятности, прекрасно осознавая возможность подобной критики, предпринимает весьма разумный упреждающий маневр – предварительно разъясняет смысл употребляемых терминов, одновременно пытаясь подкрепить свои позиции целой системой аргументов и обосновать несостоятельность контраргументов. При этом высказываются два базовых тезиса: 1) о необходимости понимания под фактами не столько объективно существующие фрагменты окружающей реальности, сколько их мысленные образы, формируемые в создании субъектов доказывания посредством умственной обработки воспринимаемых сведений; 2) о возможности признания таких образов полноценными доказательствами, как бы доказательствами-фактами, существующими наряду с доказательствами-сведениями, вытекающими из предусмотренных законом информационных продуктов: показаний, вещественных доказательств, документов и т. д. [24 с. 161–171]. И если первый из подобных тезисов не вызывает возражений, а, напротив, заслуживает безусловной поддержки, то второй предрасполагает к очередному раунду полемики.

Конечно, общий смысл такой идеи вполне понятен. Он сводится к очередной попытке выявления роли и определения места доказательств в контексте двух-, а иногда и многоступенчатости ретроспективного познания. Однако позиция В. А. Лазаревой неизбежно частично воспроизводит вышеупомянутый дуалистический подход, что, в свою очередь, приводит к реинкарнации уже подзабытого доктринального изъясна, выраженного в смешении информационных продуктов и устанавливаемых путем их умственной генерации фактов, в слиянии всех этих ресурсов в единую массу, т. е. обуславливает научную и правовую неопределенность¹.

Представляется, что накапливаемые посредством вербальной и невербальной перцепции следов-отображений (следов в широком смысле) информационные продукты никоим образом нельзя приравнивать к устанавливаемым, а точнее, осознаваемым посредством рационального мышления буферным фактам. Несмотря на безусловную аргументационную ценность, такие факты предполагают принципиально иной источник происхождения, являются не более чем логическими выводами, результатами умственной реконструкции, в некоторой степени плодами воображения, поэтому ни собиранию в установленном законом порядке, ни последующей внешней проверке или оценке не подлежат. То есть осознание реальности или мнимости ранее установленных другими лицами промежуточных фактов может возникать лишь в ходе собственных логических рассуждений

¹ В этой связи уместно вспомнить, что один из самых известных сторонников дуалистического подхода М. С. Строгович ранее уже обращал внимание на сложности, возникающие при подобном понимании доказательств [9, с. 291].

и реконструкций, predeterminedенных мыслительной генерацией все тех же первичных мысленных образов, основанных на перцепции следов-отображений. Поэтому результаты подобных рассуждений и реконструкций надлежит расценивать не как доказательства, а именно как буферные доказательственные факты, одновременно признавая их самостоятельными средствами уголовно-процессуального доказывания.

Тогда как уголовно-процессуальные доказательства, напротив, имеют «следовой» характер, т. е. возникают не на основе логических выводов², а в ходе восприятия сохранившихся материальных либо идеальных следов-отображений (следов в широком смысле), обязанных своим появлением способности материи к отражению. Поэтому они принципиально предрасположены и к собиранию, и к исследованию, и к проверке, и к оценке любыми полномочными либо правомочными участниками уголовного судопроизводства.

В остальном идеи В. А. Лазаревой о сущности доказательств представляются совершенно верными, подлежащими использованию для дальнейшего развития научной доктрины, совершенствования положений доказательственного права и оптимизации правоприменительной практики.

Выводы

Таким образом, в контексте предложенного в настоящей статье несинтетического подхода уголовно-процессуальными доказательствами надлежит признавать предусмотренные законом и predeterminedенные материальными либо идеальными следами-отображениями основные средства доказывания, т. е. «следовые» информационные активы, вначале подлежащие накоплению в качестве юридически пригодных (допустимых) информационных продуктов, а затем подлежащие использованию в качестве аргументационных ресурсов, в своей совокупности способствующих дознавателю, следователю, суду в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обосновании правоприменительных решений, а сторонам – в попытках дозволенного воздействия на характер и содержание этих решений.

Список источников

1. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. Москва: ЛексЭст, 2001. 209 с.

² Некоторыми исключениями в данном случае можно признать заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания, предполагающие выводы или суждения, predeterminedенные результатами экспертных исследований или ознакомлением специалиста с материалами уголовного дела. Вместе с тем такие выводы и суждения формулируются особыми, выполняющими разовые задачи лицами, поэтому для дознавателей, следователей, судов, других субъектов доказывания представляются не более чем подлежащими использованию полезными сведениями [25, с. 135–136].

2. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. Москва: ЛексЭст, 2001. 93 с.

3. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 462 с.

4. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. Москва: Тип. А. П. Поплавского, 1910. 448 с.

5. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. Москва: Госюриздат, 1950. 308 с.

6. Перлов И. Д. Уголовное судопроизводство в СССР. Москва: Госюриздат, 1959. 102 с.

7. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Москва: Госюриздат, 1951. 511 с.

8. Люблинский П. И. О доказательствах в уголовном суде: практический комментарий к главе IV Уголовно-процессуального кодекса / под ред. Н. Н. Полянского и П. Н. Малянтовича. Москва: Право и Жизнь, 1924. 62 с.

9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва: Наука, 1968. 470 с.

10. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. Москва: Госюриздат, 1960. 176 с.

11. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса / под ред. В. А. Томсинова. Ч. II. Москва: Зерцало, 2014. 486 с.

12. Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. Москва: Наука, 1966. 295 с.

13. Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С. А. Голунского. Москва: Госюриздат, 1959. 475 с.

14. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978. 303 с.

15. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. Москва: Юридическая литература, 1964. 179 с.

16. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976. 206 с.

17. Дорохов В. Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 108–117.

18. Карнеева Л. М. Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1977. 44 с.

19. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П. А. Лупинская. Москва: ВЮЗИ, 1972. 130 с.

20. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995. 268 с.

21. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискусии / под ред. Л. М. Карнозовой. Москва: Международный комитет содействия правовой реформе, 1995. 384 с.

22. Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 288 с.

23. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. Москва: Юрист, 2009. 174 с.

24. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник. 5-е изд. Москва: Юрайт, 2014. 359 с.

25. Россинский С. Б. Эксперт – научный судья: возвращаемся к обсуждению позабытой проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 132–141.

References

1. Barshev Ya. I. Grounds for criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings. Moscow: LeksEst, 2001. 209 p. (in Russ).

2. Spasovich V. D. On the theory of forensic criminal evidence in connection with the judiciary and legal proceedings. Moscow: LeksEst, 2001. 93 p. (in Russ).

3. Vladimirov L. E. The doctrine of criminal evidence. Tula: Autograph, 2000. 462 p. (in Russ).

4. Dukhovskoy M. V. Russian criminal process. Moscow: A. P. Poplavskiy, 1910. 448 p. (in Russ).

5. Vyshinskiy A. Ya. The theory of judicial evidence in Soviet law. Moscow: Gosjurizdat, 1950. 308 p. (in Russ).

6. Perlov I. D. Criminal justice in the USSR. Moscow: Gosyurizdat, 1959. 102 p. (in Russ).

7. Cheltsov M. A. Soviet criminal process. Moscow: Gosjurizdat, 1951. 511 p. (in Russ).

8. Lyublinskiy P. I. On evidence in a criminal court: a practical commentary on chapter IV of the Code of Criminal Procedure / ed. N. N. Polyanskiy and P. N. Malyantovich. Moscow: Law and Life, 1924. 62 p. (in Russ).

9. Strogovich M. S. The course of the Soviet criminal process. Book 1. Moscow: Nauka, 1968. 470 p. (in Russ).

10. Trusov A. I. Fundamentals of the theory of judicial evidence. Moscow: Gosyurizdat, 1960. 176 p. (in Russ).

11. Sluchevskiy V. K. Textbook of the Russian criminal process / ed. V. A. Tomsinov. Part II. Moscow: Zertsalo, 2014. 486 p. (in Russ).

12. Belkin R. S. Collecting, examining and evaluating evidence. Essence and methods. Moscow: Nauka, 1966. 295 p. (in Russ).

13. Issues of legal proceedings and judicial system in the new legislation of the USSR / ed. S. A. Golunskiy. Moscow: Gosjurizdat, 1959. 475 p. (in Russ).

14. Gorskiy G. F., Kokorev L. D., Elkind P. S. Problems of evidence in the Soviet criminal process. Voronezh: Voronezh State University, 1978. 303 p. (in Russ).

15. Arseniev V. D. Questions of the general theory of judicial evidence. Moscow: Legal literature, 1964. 179 p. (in Russ).

16. Fatkullin F. N. General problems of procedural proof. 2nd ed. Kazan: Kazan State University, 1976. 206 p. (in Russ).

17. Dorokhov V. Ya. The concept of evidence in the Soviet criminal process // Soviet state and law. 1964. No. 9. P. 108–117. (in Russ).

18. Karneeva L. M. Evidence and proof in the production of investigations. Gorkiy: Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1977. 44 p. (in Russ).

19. Sheifer S. A. Essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process / ed. P. A. Lupinskaya. Moscow: All-Union Correspondence Law Institute, 1972. 130 p. (in Russ).

20. Kokorev L. D., Kuznetsov N. P. Criminal procedure: evidence and proof. Voronezh: Voronezh State University, 1995. 268 p. (in Russ).

21. Judicial reform: legal professionalism and problems of legal education. Discussions / ed. L. M. Karnozova. Moscow: International Committee for the Promotion of Legal Reform, 1995. 384 p. (in Russ).

22. Zolotykh V. V. Checking the admissibility of evidence in criminal proceedings. Rostov-on-Don: Phoenix, 1999. 288 p. (in Russ).

23. Orlov Yu. K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. Moscow: Jurist, 2009. 174 p. (in Russ).

24. Lazareva V. A. Evidence in criminal proceedings: textbook. 5th ed. Moscow: Yurayt, 2014. 359 p. (in Russ).

25. Rossinskiy S. B. Expert – scientific judge: returning to the discussion of a forgotten problem // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No.4 (88). P. 132–141 (in Russ).

Информация об авторе

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, доцент

Information about the author

Rossinskiy Sergey B. – Doctor of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 24.05.2023

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 24.05.2023